

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Сергеевич Ч.

Выбор. Одна история трех судеб.

Сергей Чайка

Выбор. Одна история трех судеб

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чайка С. С.

Выбор. Одна история трех судеб / С. С. Чайка — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-93154-1

В жизни происходит всякое. Хорошее и плохое. Оно всегда ходит рядом. Кому-то повезет в жизни, и счастье будет шагать с ним рядом. Кому-то не повезет, и тогда он сам будет бороться за свое счастье. Вопрос: хватит ли сил для того, чтобы стать счастливым? Покориться судьбе или все-таки попытаться и сделать выбор? Свой выбор. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93154-1

© Чайка С. С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Чайка

Выбор. Одна история трех судеб

Глава 1

“Пустота, гребаная пустота. Вакуум. Протяни руку, дотронься и, наверное, схватишь тишину за шкирку. Глаза не видят почти, кровь тяжело перекачивается по телу. Мне никак. Вопрос сменяется вопросом, стена из глупых слов. И тишина. И ожидание ответа становится невыносимым для меня.”

Степа получил оплеуху, звонкий подзатыльник. Было обидно. Он промолчал и от этого было обидно вдвойне.

В свои двадцать восемь лет Степа работал, где придется, долго на одном месте не задерживался, перепробовал массу профессий, но так и не закрепился ни на одной. Жил один, был когда-то женат и был от этого брака ребёнок. С женой он прожил около шести лет, после чего та забрала ребёнка и ушла от него.

Степа вырос в неполноценной семье, родители развелись, когда ему было десять лет и после развода родителей его безоблачное детство закончилось. В стране наступили лихие времена. Мать работала на двух работах чтобы свести концы с концами. О каком-то достатке в доме говорить и не приходилось, жили в нужде. Но не было ни раздражений, ни слез. Мама приходила с работы, сидела на кухне, смотрела в окно и молчала. Ее руки лежали перед ней, спина была пряма. “О чем она думает?” – Степа стоял в коридоре и наблюдал за матерью. Он не понимал, как можно было бросить их, как можно было не любить его мать. Он жалел мать.

Время шло, Степа рос, учился, особых успехов в учебе не имел, занимался спортом, много читал. Книги давали ему то, что он не мог получить в жизни, некому было научить его. По сути, это было саморазвитие. И все ошибки, которые случались с ним, были болезненными. Но так, наверное, ковался характер, который должен был, когда-нибудь выстрелить. Только нужно было время и место.

Степа жил надеждой, что когда-нибудь это случится. А пока все шло по накатанной. Он плыл по течению жизни и ничего не происходило. Скучная, унылая жизнь.

Сегодняшняя оплеуха ничего не изменила в нем, ничего не екнуло, ничего не заставило возмутиться, постоять за себя, когда, задумавшись, он взял грязную тряпку и провёл по машине, оставив глубокую царапину, за что и был наказан хозяином авто, который стоял рядом и наблюдал за ходом работы. “Ты что творишь, урод?” – закричал толстый, с гелевыми волосами водитель машины. На нем был прекрасный костюм, в вороте рубашки виднелись курчавые волосы. Золотая цепочка завершала его образ. На что хватило Степу, это только на то, чтобы немного увернуться и про себя прошептать: “Гопота конченная”. Конец дня оказался провальным. Степа был уволен без каких-либо выплат.

Через месяц умер единственный родной человек. Умерла его мать. Утром, открыв глаза, Степа не услышал обычного: «Сынок, вставай!». Он не почувствовал аромат завтрака, который она ему всегда готовила. Он вышел из комнаты и тихонечко подошёл к комнате матери. Приоткрыв дверь, Степа увидел мать, лежащую в кровати, и на мгновение подумал, что она спит. Но потом, каким-то чувством понял, мамы больше нет. Он также тихонько закрыл дверь, как будто боясь, что она проснётся. В коридоре на полке он поднял трубку телефона и набрал ноль три. «Мама умерла» – это всё, что он мог произнести.

Лил дождь. Рабочие спешно закидывали могилу мокрой землёй. Степа стоял рядом с могилкой и отрешенно смотрел как вырастает холм. Подошёл нищий и протянул свою грязную руку прямо Степе в лицо, бормоча и прося того о помощи. Степа, не слушая его, машинально

сунул тому в руку мокрую сотню. “На хер всё” – сказал Степа, развернулся и быстро пошёл к выходу. Выйдя за ворота кладбища он оглянулся, постоял, кивнул себе как бы говоря: “Да, так будет верно, правильно”.

Добравшись до дома, он достал спортивную сумку, вещи, взял из ванной мыло, зубную пасту, щётку. В шкафу в комнате матери взял два полотенца, ещё пахнувшие ею. Из кладовой взял консервы, железную кружку, тарелку. Всё сложил в сумку. Достал документы, в секретере он забрал все оставшиеся деньги, подсчитал, подумал, что должно хватить. Выйдя из квартиры, он запер на дверь и ключ повесил на шею.

Не поехал на автобусе, вызвал такси. Через десять минут машина желтого цвета притормозила возле вокзала. В кассе поездов дальнего следования взял билет до конечной. Вышел на перрон, достал сигарету, закурил. “Здесь нельзя курить” – услышал Степа над ухом. Развернувшись, он увидел рядом с собой худощавого милиционера. “Нарушаете, придётся пройти для составления протокола” – сказал блюститель. Степа послушно развернулся в сторону участка. “Можно, конечно, пойти на встречу Вам, наверное, спешите на поезд и опоздать никакого желания нет. Да и настроение у меня хорошее, можно половину” – предложил сердобольный милиционер. “Да? Можно?” – спросил Степа. “Можно” – ответил тот.

Удар в голову справа получился быстрым и сильным. Голова милиционера ушла в сторону, запрокинулась назад и он рухнул на оплеванный асфальт. Взявшись за китель Степа оттащил обмякшее тело за привокзальный ларёк и направился к своему поезду. На поезд объявили посадку и возле вагонов уже выстроились очереди. Он нашёл свой вагон и занял место в очереди. То, что произошло возле ларька Степу не волновало, он не думал об этом. Что-то переломилось в нём, изменилось. Не было ни страха, ни угрызений совести о содеянном. Ничего.

До отхода поезда оставалось пять минут. Проводник сверил билет и пропустил его в вагон. “Место тринадцать” – сказал проводник. Степа нашел свое место. В его отсеке был только один пассажир, тот лежал на верхней полке и, видимо, спал. Место Степы было под ним, он бросил сумку под полку и сел возле окна. Поезд гудел, прогревая двигатель, опоздавшие пассажиры бежали к своим вагонам. Так же по перрону бежали два милиционера, всматриваясь в окна уже готового отойти поезда. Один милиционер был знаком ему, он держался за скулу и озирался по сторонам. Второй, здоровый бугай, толкал его в бок, тыкая пальцем то в одно окно, то в другое. Тот отрицательно качал головой. Второй сплюнул и зло посмотрел на первого.

Вдруг, знакомый Степы встретился взглядом с ним и не веря себе начал медленно поднимать руку чтобы указать пальцем в сторону Степы, но поезд дернулся и медленно начал движение. Состав постепенно набирал скорость, все быстрее и быстрее. Милиционер уже бежал и кричал что-то, брызжа слюной. Но поезд уже миновал платформу, и милиционеры остались там, становясь все меньше и меньше.

Поезд мягко катил по рельсам, постукивая колесами. В вагоне было тихо, пассажиры спали, только иногда позвякивала чайная ложечка в полупустом стакане, нарушая тишину. Степа, прислонившись лбом к стеклу, смотрел на пробегающие пейзажи за окном. Потом он снял ботинки, куртку и прилег на свою полку. Сразу накатила усталость, но было даже приятно от такой усталости. Впервые за последние недели он заснул спокойным.

За окном было уже светло, когда он открыл глаза. Долго лежал и смотрел на потолок из красного дерматина. Мыслей не было, просто лежал и вглядывался в узор материала полки. Рядом звякнула посуда. Степа повернулся на шум и встретился взглядом с мужчиной, сидевшим за столом и попивающим чай. Попутчик был среднего возраста, среднего телосложения, коротко стриженный. Что бросилось в глаза, так это его тонкие пальцы. Он так изящно держал чайную ложечку, помешивая ею в стакане, что казалось, в его руке не ложка, а перо. Правильные черты лица выдавали в нем человека благородных кровей. Только улыбка почему-то не нравилась Степе. Мужчина не улыбался, он скорее ухмылялся, что немного раздражало, хотя

потом, приглядевшись, он понял почему. Глубокий шрам на левой щеке, начинающийся от уголка рта, превращал улыбку в ухмылку. Взгляд попутчика был спокойным, да и весь его вид выказывал благодушие. “Доброе утро” – прокашлялся и выдавил из себя Степа. На улице было прохладно и поэтому в вагоне было сильно натоплено. Во рту у Степы все пересохло. Попутчик деловито взглянул в окно: “Доброе утро. Хотя и день уже” – ответил он весело. Надо было вставать, как-то некрасиво получалось, лежать и разговаривать, да и умыться не мешало бы. “Надо, надо умываться по утрам и вечерам” – раздался голос попутчика. Тот смотрел в окно. За окном шел снег.

Пробравшись сквозь узкий проход вагона и лавируя между вытянутых ног пассажиров, Степа подошел к туалету. Очереди уже не было. Зайдя, закрыл дверь, посмотрел в зеркало и отшатнулся. Другой человек смотрел на него. Тяжелый взгляд, острые скулы, трехдневная щетина, мешки под глазами. В зеркале был не тот молодой человек, получающий подзатыльники и молчащий в ответ, на него смотрел вполне зрелый мужчина, готовый дать отпор на любой выпад против него. Справил нужду, умылся, подставляя ладони под холодную воду и набрасывая ее на лицо, почистил зубы. Вытираясь полотенцем, вышел в тамбур, накинул его на плечи, достал сигарету и закурил. Первая сигарета и первая затяжка повела его. Немного качнуло в сторону, подкруживала голова, Степа уткнулся в стекло лбом. За окном валил снег, хлопья были большими и белыми, как будто кто-то разорвал подушку и из нее сыпались перья. “Вот это весна” – подумал он. Сделал последнюю затяжку, затушил окурочок в железной банке, закрепленной на решетке двери, и пошел в свой отсек. Сосед по отсеку все так же увлеченно смотрел в окно, наблюдая за падающим снегом и когда Степа сел на свое место, тот даже не обратил на него внимание. Степа взял со стола заранее принесенный проводником стакан с чаем и маленькими глотками, чтобы не обжечься, пил. “Куда ты путь держишь, Степа?” – не поворачиваясь к нему спросил попутчик. Степа замер от неожиданности. Рука со стаканом замерла в воздухе, не дойдя до рта. Попутчик развернулся и посмотрел на Степу. “И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь” – глаза соседа горели огнем. Степа смотрел в глаза и плыл. Он смотрел в глаза и тонул, захлебывался, пытался выплыть, но тело не слушалось его, ноги тянули гирями вниз. “Не сопротивляйся, не сопротивляйся” – слышал он голос попутчика. Темная вода поглощала Степу, воздуха уже не было, паника охватывала его. Темно-зеленые водоросли оплетали своими липкими лапами его ноги и не давали двигаться, тянули вниз. Степа рвал их руками, освобождаясь. Собрав все силы, он порвал последний пучок водорослей и, оттолкнувшись как от невидимого барьера, рванул вверх. Водоросли, словно живые, бросились вдогонку, но он был уже далеко от них. Вот и показалось небо, он вынырнул и жадно хватал воздух ртом и не мог надышаться. И вдруг все пропало. Он очнулся на своем месте, глаза раскрылись.

За окном светило солнце, поезд катил, постукивая колесами дальше по своему маршруту. В вагоне было тихо. Попутчика не было. На столике лежал листок бумаги, придавленный стаканом с недопитым чаем. “Выбор сделан” – черным карандашом было выведено печатными буквами.

Степа стоял в тамбуре и курил. Все что произошло с ним надо было осмыслить. И вообще хорошо бы понять куда он едет и что ждет его впереди, и где конечная точка пути. Мысли крутились, и он никак не мог остановить их, заставить выстроиться в логическую цепочку. Поезд замедлил ход, показался мост. Мост был большой, его железные пролеты покрылись ржавчиной, кое-где пробивались зеленые кустики. Дорожка, предназначенная для прохода пешеходов, была деревянной, доски местами сгнили, где-то их не было вовсе и на их месте зияли дыры.

Поезд медленно, крадучись, въехал на мост, боясь провалиться под своей тяжестью, переваливаясь с бока на бок, пересек реку, и, проехав еще с километр, вдруг резко остановился. Загудел паровоз, где-то засвистел свисток. За окном пробежал какой-то мужик, за ним проводник в желтом жилете, крича матом на убегающего от него пассажира. Потом Степа увидел наряд милиции, следующий вдоль вагонов. Через некоторое время проводник появился в тамбуре и, высунувшись из двери, замахал красным флажком. “Что случилось-то?” – спросил Степа. “Да чудак какой-то стоп-кран сорвал, дверь открыл и убежал” – ответил проводник. “Куда он? Непонятно. Тут и населенного пункта-то никакого нет. Вернее, как нет. Я по этой дороге уже десять лет езжу. Была станция, но больше там не останавливаемся, мимо пролетаем что и рассмотрим ничего невозможно. Вот как раз десять-то лет назад и останавливались, теперь нет” – продолжал он. “И что же никто не живет там?” – спросил Степа. “Так я откуда знаю! Я же тебе говорю, не останавливаемся мы там как лет десять, как тогда зашел пассажир со станции, так и все” – ответил он. “А что за пассажир-то?” – допытывался Степан. “Ну ты и вопрос задал, я тебе что, компьютер, все помнить? Помню какой-то человек и все, да и то мельком видел. В соседний вагон тогда сел. Я почему запомнил-то?! Никого не было тогда, а он один, вот и врезалось в память” – проводник убрал руку с флажком и начал закрывать дверь. “Слушай друг, а можно мне здесь выйти, а?” – Степа посмотрел на проводника. “Да за ради бога, мне-то что. А тебе зачем?” – с неподдельным интересом спросил он. “Журналист я, книгу пишу” – соврал Степа в ответ. “А, журналист, тогда понятно” – как-то сразу, потеряв интерес, протянул проводник: “Тогда быстрее сходи, а то сейчас тронемся”. Степа побежал в свой отсек, приподнял полку, вытащил сумку, бросил туда чуть мокрое полотенце и поспешил на выход. Машинист дал гудок, возвещающий о начале движения, и поезд, шикнув, тронулся. Медленно набирая ход, поезд исчезал за поворотом.

Степа остался один. Он проводил взглядом, уходящий поезд и теперь стоял возле путей. Весеннее солнце, сменившее не так давно идущий снег, прогревало прозрачный воздух. Старая трава обновляла цвет и выглядела как сочный зеленый салат с грядки. Ветерок легко покачивал деревья, и они в ответ тихонько шумели молодой листвой. Птицы, греясь на солнце, понимая, что вот и наконец пришла весна, галдели кто во что горазд. До станции надо было пройти около двух километров, по такой погоде прогулка обещалась быть замечательной. Степа перекинул ремень сумки через грудь и пошел неспеша, наслаждаясь теплым днем. Твердый грунт, невысокая пока еще трава позволяла быстро преодолевать путь. Степа понимал что впереди его ждет неизвестность, но он находился в состоянии радостного покоя, ожидании что вот-вот и наступит счастье, что все невзгоды и разочарования остались там, в той жизни и что все что было когда-то, было не с ним. Степа не верил в сказки, но верить хотелось во что-то хорошее, почему бы и нет? Так рассуждал он пока шел.

Примерно через полчаса он подходил к станции. Это было небольшое здание типовой постройки, ничем не приметное, как и на всех провинциальных станциях железной дороги. Маленькое, облупленное, одноэтажное здание желто-серого цвета. В трещинах по фасаду, заколоченными окнами и кусками отвалившейся штукатурки вдоль стен. На перрон вела узкая, ржавая лестница с оторванными перилами. Степа осторожно поднялся по ней и подошел к зданию. Под самой крышей еле прочитал название станции. “Началово”. Завернул за угол здания, спустился по лестнице и пошел по еле заметной тропинке, заросшей травой. Через небольшую речку был перекинут железный мост, с трещинами и выросшими пучками травы на асфальте. Тишина, запах цветов, ощущение свободы пьянили рассудок. На Степином лице сияла улыбка как у сумасшедшего, нашедшего пятак. Яркое солнце находилось в зените и поэтому день обещал быть длинным. Перейдя мост, он вышел на тропинку и углубился в лес. Хрустнула ветка, из зарослей показалась морда косули, а потом животное вышло на дорогу, перегородив путь. Олень ничуть не пугался человека. Посмотрев на Степу, он, неспеша перешел тропу и скрылся в противоположном кустарнике. Степа заворуженно смотрел на косулю, провожая ее взгля-

дом. Радость наполняла его сердце. Все было новым для него, деревья, зелень, ржавый мост, животное, вышедшее на дорогу и даже болото, которое проходил Степа показалось ему воспоминанием из сказки, которую мама читала ему в детстве. Тропинка, начавшаяся от моста, неожиданно оборвалась. Впереди него была небольшая опушка, за которой простиралось поле. Сквозь зелень молодой листвы на другой стороне поля просматривалась темная крыша деревянного то ли дома, то ли сарая.

Он вышел на опушку и пошел по полю, по невысокой пока еще траве с большим обилием цветов.

Дом был деревянный, от времени дерево потемнело, и он выглядел как черный уголек. Крыша дома была из теса, видимо мастера, которые строили его, знали толк в этом деле, потому даже со временем тес не растрескался, только местами доски облепил зеленый мох. Стекла в украшенных резными наличниками окнах были целехоньки. Массивная дверь с кованными петлями была подперта палкой. Было такое ощущение что люди ушли ненадолго, наступит вечер, и они вернутся с работы и откроют дверь. Ступени на крыльце на вид были прочными и скрип под ногами не ослабил это ощущение.

Степа подошел к двери и протянул руку к палке чтобы открыть дверь. “Заблудился?” – внезапный голос разорвал тишину. Степа от неожиданности вздрогнул и повернулся на голос. Обладателем голоса оказалась девушка, крепко держащая ружье, которое было нацелено на него. Черные как смоль волосы спускались ей на плечи, непослушная челка падала на глаза, и она шикала на нее воздухом, подкидывая на лоб. Ее карие глаза блестели от волнения, вызванного появлением незнакомца. Она была среднего роста, фигуру ее скрывал армейский плащ-накидка, но что-то подсказывало Степе что там было все в порядке. Она стояла в позиции стрелка, ноги в высоких берцах на ширине плеч, один носок направлен в сторону цели. На вопрос девушки Степа не нашелся что сразу ответить. Все произошло так неожиданно, плюс направленное на него оружие. “Вы извините, я не держу в голове ничего плохого, я мимо проходил, путешествую” – чуть ли не скороговоркой ответил. “Меня Степаном зовут” – добавил он. Ответ девушке немного успокоил, но ружья она не опустила. По-прежнему дуло было направлено на него. “Мимо, говоришь, проходил? Ты руки-то опусти, в плен я не беру” – тут она позволила усмехнуться и ствол ружья опустила вниз. Степа только сейчас понял, как глупо выглядел. Даже и не заметил, когда руки взметнулись вверх.

“Таня меня зовут, как ты здесь оказался? До города очень далеко, поезда тут не останавливаются” – подошла к Степе. Он посторонился и пропустил ее к двери, она отняла палку, поставила рядом, открывая дверь. “Проходи в дом” – сделав шаг назад, пригласила Степу.

В сенях стоял запах сухой травы. На стенах висели и сушились пучки полевых сборов. Вдоль стены деревянная лавка, на которой стояли два ведра с водой. В углу коромысло, видимо, им носились ведра. Дверь, ведущая в основной дом, была низковатой, Степе пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о косяк.

Поставив сумку на лавку возле двери, Степан оглядел жилище. Посередине просторной комнаты стоял деревянный стол. Его толстые доски были отскоблены дочиста. Четыре деревянных табурета ровненько стояли у стола. Середину стола украшала глиняная ваза, в ней засохший букет из полевых цветов и трав, источающий аромат. Русская печь, небольшой стол для готовки, рядом небольшая печка, наподобие буржуйки, наверное, для быстрой готовки, занавеска, отделяющая спальное место, за которой в щелку просматривалась кровать. Как и в большинстве русских домов в углу присутствовал иконостас с тремя иконами. Кто на них был изображен Степан не знал. Старинный сундук, схваченный железными обручами. На стене в рамках висели черно-белые фотографии.

Татьяна поставила ружье в угол, закинула в маленькую печь приготовленную щепу, чиркнула спичками, та сразу же загорелась. Подкинула несколько поленьев, набрала в чайник воды и поставила на плиту. “Присаживайся, что стоишь-то, пока чайник греется, расскажешь, как

здесь оказался” – Татьяна скинула с себя накидку и повесила за дверь. Она села за стол и в ожидании рассказа смотрела на Степу. “А что рассказывать-то?” – немного стесняясь спросил он. Степа не понимал, как можно все рассказать совершенно незнакомому человеку. Вот так вот, садись, рассказывай. Но очень хотелось поделиться, очень. Просто хотелось, чтобы кто-то просто сидел и слушал и не важно сейчас понимает он или нет. Единственное что, наверное, его останавливало это то, что перед ним была девушка. Ему было неловко. Таня подперла кулачками подбородок и ждала. Смотрела и ждала. “Господи, что же она так смотрит-то” – думал Степа. Он еще немного помолчал, вздохнул, как бы говоря: “Эх была не была” и начал свою длинную историю. Слова лились из него как вода, превращаясь в реку. Река наполнялась и текла все быстрее и быстрее. А с рекой текло и время.

Он замолчал. В комнате стемнело, солнце за окном клонилось к закату. Степа и не заметил, как Таня налила чай себе и ему. Теперь обхватив кружку двумя руками, пила небольшими глотками и смотрела в одну точку о чем-то думая. Дрова потрескивали в печке и только их звук нарушал глубокую тишину. “Расскажи мне еще раз, как ты вышел из поезда, как получилось?” – попросила она, не глядя на него. Он повторил свой рассказ. “Знаешь, что интересно? А интересно то, что я здесь оказалось точно так, как и ты. Не странно?” – она за долгий вечер впервые посмотрела ему в глаза. “Ты веришь в совпадения? Веришь, что на этом же месте, такая же ситуация, такой же чокнутый мужик срывает стоп-кран и я выхожу здесь?” – она ждала ответа. Степа отхлебнул чай из кружки и молчал. Без слов было понятно, что нет, он не верит в это. “Давай поужинаем, а то я тебе только чай предложила, голодный наверное?” – сказала она, и не дождавшись ответа принялась накрывать на стол. Он был совсем не против. “Ты сходи пока, принеси дров из дровницы, она, как выйдешь, слева” – попросила она.

Выйдя во двор, вздохнул свежий воздух. Туман стелился белым одеялом, накрывая деревья, траву, все что можно было накрыть. Наступала ночь. Ни с чем не сравнимый запах весны наполнял душу радостью, соловьи пели на всевозможные лады, исполняя свои неподражаемые произведения. На темно-синем небе зажигались одна за другой серебряные звезды. Тонкая нить, натянутая как струна, зазвенела в груди у Степы. Череда событий, происходящих с ним, давала надежду на бесконечное счастье, пусть надежду, этого и так было много для него. И Таня. Таня. Как же все бывает вдруг, неожиданно. Он улыбнулся. Несколько часов рядом с ней и все, о чем он так долго думал и о чем переживал стало совершенно неважно. Таня заполняла его жизнь. Стремительно и бесповоротно.

“Ты где пропал-то?” – раздался голос из дома. “Иду!” – в ответ крикнул Степа и поспешил к дровнице. Дрова были аккуратно сложены под навесом. Набрав целую охапку, он поспешил в дом.

После ужина они сидели возле печки. Дрова потрескивали, языки пламени, пытаясь вырваться из заключения, мягко шлепали по топочной дверке.

“У меня был любимый человек” – внезапно начала она. “Да, был. Он был всем для меня. Я жила им, дышала. Все мое время, все мои мысли занимал он. А потом его не стало. Он умер. Как это страшно терять человека, который для тебя был всем. Смыслом жизни. Когда ты строишь планы, мечтаешь и вот, в одночасье, все рушится” – она замолчала на миг, сделала глоток чая и продолжила. “Я хотела умереть. Я ревела как раненый зверь”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.